4270
Шпе
Пров. 1959
Пр.
1144
37

Одинъ путь психологіи и куда онъ ведетъ.

„Древо познанія не есть древо жизни, а для духа его жизнь представляется чѣмъ-то болѣе драгоцѣннымъ, чѣмъ его знаніе".

Юркевичъ.

Говоря объ одномъ пути психологіи, я имѣю въ виду не единственный ея путь, а одинъ изъ ея путей. Не существомъ дѣла вызывается это поясненіе, а скорѣе нѣкоторымъ опасеніемъ, что нижеслѣдующее изложеніе можетъ быть неправильно истолковано. Тотъ методъ умозаключенія, который съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изображенъ Платономъ, методъ Эвтидема и Діонисидора, есть, повидимому, психологическая черта, присущая сужденіямъ и нашего времени. То, что высказывается какъ частное, «съ одной стороны», нерѣдко принимается за общее, за «все», за исключающее всѣ другія стороны и возможности. Мы имѣемъ дѣло съ своеобразной логической инерціей, въ силу которой частное возводится въ универсальное. Не имѣя въ виду въ своемъ изложеніи касаться вопроса объ отношеніи разсматриваемаго мною пути психологіи къ другимъ возможнымъ ея путямъ, я выбралъ для своей статьи нѣсколько неясное названіе, чтобы такимъ образомъ получить поводъ здѣсь предупредить читателя о дѣйствительномъ объемѣ затрогиваемой мною темы.

Существуетъ мнѣніе, очень распространенное, раздѣляемое представителями подчасъ даже противоположныхъ философскихъ направленій, мнѣніе о происхожденіи наукъ изъ философіи. Это мнѣніе можно оспаривать фактически, но оно имѣетъ большую

цѣнность, во-первыхъ, какъ характеристика отношенія наукъ и философіи, и, во-вторыхъ, это—безспорно удачный и выразительный образъ. Однако, нерѣдко можно видѣть, какъ этотъ образъ превращается въ своего рода историческую аксіому, общее положеніе, изъ котораго тотчасъ дѣлаются нѣкоторые выводы характера прогностическаго по отношенію къ наукамъ, которыя не потеряли связи съ философіей. Поскольку и здѣсь утвержденія не идутъ дальше образнаго описанія, трудно возражать противъ этихъ выводовъ. Но въ такой мѣрѣ, въ какой образу придается дѣйствительное значеніе факта, названные выводы обнаруживаютъ на себѣ всѣ симптомы догматическаго утвержденія, присущіе и самому основоположенію. Какъ догматическое допущеніе или обобщеніе, оно должно быть оправдываемо тѣми, кто его высказываетъ; на нихъ естественно возлагается здѣсь onus probandi. Но трудно оставаться совершенно безучастнымъ, когда какой-нибудь предразсудокъ стоитъ на пути развитія научной мысли. Нерѣдко приходится опровергать то, что въ сущности не было доказано и что, казалось бы, даже не нуждается въ опроверженіи. Такая необходимость выступаетъ тѣмъ болѣе, что названный прогнозъ получаетъ нерѣдко подкрѣпленія, такъ сказать, со стороны, отъ тѣхъ, кто непосредственно заинтересованъ въ его осуществленіи и ищетъ только поводовъ дѣйствовать въ его направленіи. И все-таки пока не будетъ оправдано основное положеніе, вся эта работа будетъ производить такое впечатлѣніе, какъ будто строится зданіе безъ фундамента, но обильно укрѣпляемое подпорками и кронштейнами. Стать просто въ сторонѣ отъ этого строительства, впрочемъ, было бы не только безучастіемъ, это было бы также своего рода потворствомъ и поощреніемъ. Напротивъ, какъ только убѣждаешься въ безплодности предпринятой такимъ образомъ работы, испытывается непреодолимое влеченіе къ другому дѣлу, вызываемому, быть можетъ, не силою вещей, а создавшимся нелѣпымъ положеніемъ,—независимо отъ успѣха или неуспѣха этого строительства, показать, что всѣми раздѣляемое предубѣжденіе возникло безъ достаточныхъ на то основаній. И самимъ указаніемъ этого факта уже подкрѣпляется мнѣніе противоположное. Укрѣплять позицію, какъ бы она ни казалась сильна, есть желаніе вполнѣ законное.

Стоитъ примѣнить все сказанное къ частному вопросу объ отношеніи психологіи къ философіи, чтобы основная тенденція ав-

тора стала совершенно ясной. Если даже допустить, что названный выше образъ есть точное выраженіе совершавшагося факта выдѣленія спеціальныхъ наукъ изъ общаго лона матери-философіи, все же нельзя видѣть въ этомъ доказательства въ пользу широко распространеннаго убѣжденія, будто психологія идетъ тѣмъ же фатально необходимымъ для нея путемъ, будто осталось уже немного метафизическихъ нитей, связывающихъ еще психологію какъ науку съ философіей, будто нужно пойти навстрѣчу тому, что совершится, впрочемъ, и само собой,—перерѣзать послѣднія нити, и психологія окончательно отойдетъ отъ философіи, чтобы занять свободное мѣсто въ ряду другихъ спеціальныхъ наукъ. Словомъ, взглядъ на судьбу психологіи, какъ на судьбу аналогичную другимъ наукамъ, окончательно догматиченъ. Нельзя и въ немъ не видѣть образчика той же эвтидемовской логики, по которой, если песъ, будучи отцомъ своихъ щенятъ, есть *твой* песъ, то и твой отецъ—песъ, а самъ ты—братъ щенятамъ. Правда, Эвтидемъ съ Діонисидоромъ получали иной разъ достойный отпоръ со стороны людей, менѣе спокойныхъ: Ὦ ξένε θούριε, εἰ μὴ ἀγροικότερον ἦν εἰπεῖν, εἶπον ἄν, σοὶ εἰς κεφαλήν, т.-е. если бы не было слишкомъ неучтиво, я бы отвѣтилъ тебѣ по головѣ..., но, повторяю, укрѣплять даже укрѣпленную позицію не есть дѣло зазорное, такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ и болѣе спокойный оппонентъ туріяскихъ гостей, Сократъ. Есть одинъ путь въ разработкѣ психологіи, который ведетъ не къ отщепленію ея отъ философіи, а, напротивъ, приводитъ къ тому, что психологія все прочнѣе спаивается и даже сплавливается съ философіей. Какъ бы мы ни понимали задачи раціональной метафизики и какъ бы ни казалась отъ нея отдѣленной современная абстрактная психологія, психологія съ метафизикой останутся навсегда родными сестрами, поскольку метафизика, ставя себѣ цѣлью познаніе реальнаго, должна опираться на эмпирическій фундаментъ, а психологія, даже устанавливающая абстрактныя отношенія, должна извлекать ихъ изъ конкретно реальнаго.

Конечно, говоря о необоснованности сужденія объ отдѣленіи психологіи отъ метафизики, я имѣю въ виду отсутствіе логическаго достаточнаго основанія въ пользу такого сужденія, но оно должно имѣть свое психологическое и историческое объясненіе. Въ мои планы не входитъ отыскать это объясненіе и представить его съ исчерпывающей полнотой. Но есть одно обстоятельство,

которое, можно сказать, бросается въ глаза, не отмѣтить его нельзя. Вниманіе изслѣдователей отвлечено, направлено въ ложную сторону, центральный пунктъ проблемы не совпадаетъ съ фиксаціонной точкой зрѣнія наблюдателей, онъ находится на периферіи ихъ круга зрѣнія. Стоитъ наблюдателю сдѣлать небольшой поворотъ, перспектива измѣнится, поле зрѣнія расширится, и онъ воочію увидитъ ясный фактъ, который ему останется лишь констатировать, если только онъ не захочетъ отвергать его по принципу: тѣмъ хуже для фактовъ. Попытки описать фактъ съ новой позиціи, при новомъ кругѣ зрѣнія, такъ многочисленны и разнообразны, что уже простая добросовѣстность не позволяетъ апріорно трактовать ихъ какъ мнимое впечатлѣніе, какъ иллюзію. Обстоятельство, которое мѣшало видѣть истинное мѣсто психологіи и изъ котораго можно исходить при объясненіи ложной оцѣнки этого мѣста и роли психологіи въ философіи и наукахъ, можно назвать *логизмомъ* въ психологіи, а попытки освободиться отъ него, перемѣнить и расширить кругъ зрѣнія, какъ указано, многочисленны и идутъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ—и со стороны самой психологіи, и со стороны логики, наконецъ, всегда дѣлались и особенно талантливо и вдохновенно возобновляются теперь, на нашихъ глазахъ, со стороны метафизики.

Въ философіи нашего времени не все ладно. Широкой волной разлилась въ ней эпидемія скептицизма и релативизма. Въ діагнозѣ нѣтъ ошибки. Отыскана и причина болѣзни, психологія проникла въ организмъ логики. Искоренить психологизмъ въ логикѣ стало лозунгомъ нашихъ дней. Но онъ оказался прилипчивѣе, чѣмъ то можно было думать сначала. Сами санитары, одинъ за другимъ, заражались его ядомъ. Наконецъ, и здоровыхъ стали подозрѣвать въ томъ, что въ глубинѣ питающей ихъ крови разлиты вредоносные соки того же психологизма. Тайно или явно всѣ мы носимъ въ себѣ заразу. Кого бѣжать и кому итти навстрѣчу?—Не здѣсь можно ждать отвѣта на этотъ вопросъ. Я началъ отсюда только, чтобы подчеркнуть, что, какъ ни правиленъ самъ по себѣ этотъ діагнозъ, онъ все же страдаетъ нѣкоторымъ недостаткомъ. Онъ не полонъ. Собственно неточно опредѣлена локализація недуга. Недужна не только логика, хвораетъ вся философія, разстроенъ весь ея организмъ. Діагнозъ нуждается въ дополненіяхъ. Философія страдаетъ не только отъ психологизма въ логикѣ, но еще, можетъ быть, въ большей степени отъ совершенно аналогичнаго недуга,

отъ логизма въ психологіи. И если психологизмъ въ логикѣ вызываетъ релативистическую и скептическую лихорадку, то логизмъ въ психологіи приводитъ къ не менѣе печальнымъ результатамъ, изсушая весь организмъ философіи. На мѣсто живыхъ и конкретныхъ фактовъ онъ ставитъ часто пустыя схемы абстракціи. Живое, яркое, блещущее красками и непрерывными перемѣнами содержаніе душевной жизни начинаетъ представляться, какъ послѣдовательно расположенный рядъ тусклыхъ, рѣзко только очерченныхъ, китайскихъ тѣней. За абстрактными схемами нашей психологіи не видать жизни нашей души. Сложная большая картина великаго мастера разрѣзана на куски, изъ нея вырѣзаны человѣчки, домики, деревья и т. д., одно подобрано къ другому, размѣщено разно— никакое воображеніе не въ силахъ возсоздать подлиннаго первоначальнаго вида работы. Да, по правдѣ, къ этому и не стремились. Много говорили о предстоящемъ синтезѣ полной картины изъ разложенныхъ элементовъ, но въ идеалѣ и этотъ синтезъ можетъ быть только абстракціей, какое бы сложное цѣлое онъ ни далъ, оно не будетъ цѣльнымъ, живымъ. Химическій синтезъ можетъ дать воду, но только воду химически чистую, и никакой синтезъ не дастъ и капли настоящей «живой» воды съ ея обильной флорой и фауной. Я не отрицаю смысла и задачъ абстрактной психологіи, но этого вопроса я просто здѣсь не обсуждаю, не касаюсь. Можетъ ли быть иная психологія?—Объ этомъ ниже. Здѣсь я только подчеркиваю: психологія съ ея абстрактными понятіями и методами не приближается къ жизни духа, а отходитъ отъ него. Логическое оперированіе надъ абстракціями, гипостазированіе абстракцій, замѣна анализа психологическаго, производимаго съ помощью самонаблюденія, логическимъ разсужденіемъ, убѣжденіе, что логическія схемы выражаютъ реальное отношеніе разныхъ сторонъ живой душевной жизни, представленіе о психологіи, какъ о какой-то механикѣ абстрактныхъ психическихъ силъ,—все это и все аналогичное этому я называю логизированіемъ психологіи, логизмомъ въ психологіи, поддѣлкой подъ психологію. Такая фальсифицированная психологія, конечно, теряетъ связь съ философіей, съ метафизикой, если только послѣдняя свободна отъ того же недуга логизированія, если только она не принимаетъ за подлинно реальное его логическую тѣнь. Подлинная реалистическая метафизика,— а другой она не можетъ быть, потому что всякая другая метафизика есть софистика,—не можетъ ни основываться на такой фаль-

сифицированной психологіи, ни служить ей основаніемъ, ни вообще быть съ нею связана.

Итакъ, логизмъ въ психологіи есть такой же недугъ философіи, какъ психологизмъ въ логикѣ. Какъ логика должна быть очищена отъ психологіи, такъ и психологія должна быть очищена отъ логики, которой она пронизана насквозь. Нужны ли еще особыя доказательства этому?

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы придать мысли безспорное значеніе. Можно ли утверждать, напримѣръ, что такъ называемая теорія способностей окончательно исчезла изъ психологіи, какъ способъ объясненія и даже представленія? Правда, эта теорія рѣдко находитъ принципіальныхъ защитниковъ, но подъ видомъ склонностей, расположеній и т. п. она нерѣдко обнаруживается и у тѣхъ психологовъ, которые прямо ее какъ будто отвергаютъ. Нѣтъ сомнѣнія, самонаблюденіе даетъ право на то, чтобы говорить о памяти, воображеніи, вниманіи и т. д., но какъ только этими понятіями, продуктомъ чисто логическаго образованія, начинаютъ пользоваться какъ выраженіемъ для нѣкоторой независимой, опредѣленной въ своихъ границахъ, сущности, такъ покидаютъ почву самонаблюденія и ищутъ основаній для своихъ сужденій не въ данныхъ самонаблюденія, а въ чисто логическихъ отношеніяхъ и связяхъ. Даже психологическія опредѣленія «способностей» сплошь и рядомъ принимаютъ характеръ опредѣленій предметныхъ. Въ современной психологіи старательно подчеркиваютъ, что психологія имѣетъ дѣло съ актами, процессами и т. п., для нея характерно также актуальное пониманіе души, и все же мы ясно видимъ, что ея представители говорятъ о психологическомъ, какъ о предметахъ если не существующихъ, то во всякомъ случаѣ обстоящихъ [1]). Я не касаюсь вопроса о томъ, въ какомъ смыслѣ можно говорить о психологическомъ, какъ о предметѣ,—само собой очевидно только, что это предметъ *особаго* порядка, слѣдовательно, пониманіе его какъ существующаго или обстоящаго есть подведеніе психологическаго подъ формы логики математическаго и естественно-научнаго мышленія. Это не просто логическая ошибка, а именно логизированіе, аналогич-

---

[1]) Позволяю себѣ предложить этотъ терминъ, пока не знаю лучшаго, имѣя въ виду противопоставить логическое бытіе (das Bestehen) бытію вещному (das Existieren).

ное тому логизированію, которое имѣло мѣсто въ философіи XVII вѣка, гдѣ естественно-научные предметы мыслились геометрически (математически). Замѣчательно въ особенности здѣсь то, что (скрытое) признаніе «способностей», сущностей, у актуалистовъ вяжется съ (открытымъ) отрицаніемъ субстанціальности души. Это явное предпочтеніе логическаго анализа анализу тѣхъ данныхъ, которыя доставляются намъ самонаблюденіемъ. Можно было бы ожидать, что гербартіанское пониманіе душевной жизни и гербартіанская терминологія будутъ противодѣйствовать ложнымъ схемамъ психологіи способностей. Безспорно, эта заслуга принадлежитъ Гербарту и его школѣ. Но освобождается ли сколько-нибудь его собственное ученіе отъ логизма? Развѣ вся эта «механика» представленій, всплываніе ихъ надъ порогомъ сознанія и погруженіе подъ порогъ сознанія, соединенія, сплавливанія, сплетенія и т. п.,—развѣ это психологія, основанная на опытѣ, на наблюденіи? Это точно такъ же раціонализированная и логизированная система представленій, далекая отъ того, чтобы имѣть право на названіе науки о душѣ. Нужно ли добавлять, что буквально тѣ же недостатки присущи всѣмъ попыткамъ ввести въ психологію объясненія изъ психическихъ атомовъ, психическаго химизма и т. п.? Вообще нужно сказать, что и всѣ попытки объяснительной психологіи, каковы бы ни были ихъ достоинства и недостатки въ другихъ отношеніяхъ, въ большей или меньшей степени страдаютъ однимъ общимъ порокомъ, раціоналистическимъ логизированіемъ. Въ немъ повинны не только интеллектуалисты, ассоціаціонисты и др., но и сенсуалисты, эволюціонисты и даже волюнтаристы. Можетъ быть, волюнтаристы ближе всѣхъ подошли къ данному эмпирически, поскольку они подчеркиваютъ активность душевной жизни, но это нисколько имъ не мѣшаетъ предпочесть логическія схемы живому опыту, какъ только они ставятъ во главу угла своей психологіи требованіе — объяснять душевныя явленія, какъ волевыя, потому что въ самомъ этомъ требованіи заключается предметное пониманіе воли, пока не показано, чѣмъ должно отличаться психологическое объясненіе отъ объясненія естественно-научнаго. Для нихъ остаются объектомъ психологіи не конкретныя переживанія, а конкретизированныя понятія разныхъ сторонъ душевной жизни, даже не извлеченныхъ изъ общаго потока сознанія, а именно отвлеченныхъ. Осторожныя оговорки нѣкоторыхъ психологовъ (Вундтъ), что всѣ психическіе процессы либо волевые, либо

аналогичны имъ, не исправляютъ дѣла, такъ какъ опять-таки не выражаютъ психологическаго опыта, а только его логическую обработку. Сама эта оговорка уже предполагаетъ какую-то классификацію душевныхъ явленій, но во всѣхъ классификаціяхъ абстрактной психологіи видны только понятія и логическія отношенія между ними,—суть душевной жизни безнадежно ими закрывается, ихъ «единство» перестаетъ быть видимымъ. Представьте себѣ залъ картинной галереи, гдѣ на однотонномъ сѣромъ фонѣ развѣшаны картины въ чехлахъ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черезъ болѣе прозрачную матерію чехловъ просвѣчиваютъ тѣ или иныя краски и очертанія. Но снимемъ чехлы, и все же какъ далеко то, что обнаружится, отъ «единства», связанности...

Укажу, наконецъ, еще на одно обстоятельство, характерное для логизма въ психологіи. Это—постоянное исканіе *элементовъ*, изъ которыхъ можно было бы слагать болѣе сложныя цѣлыя и въ результатѣ «все» душевной жизни. Развѣ самая эта идея построенія сложнаго изъ простого, изъ элементовъ, не есть продуктъ логизирующаго ума? Отысканіе «элементовъ» стало догматомъ психологіи, на которомъ одинаково объединяются самыя разныя направленія, враждующія уже въ указаніи самихъ этихъ элементовъ. Сложныя эмоціи слагаются изъ простѣйшихъ чувствованій, мышленіе изъ процессовъ сужденія, сужденія изъ связи представленій, представленія слагаются изъ ощущеній и т. п. Оставивъ въ сторонѣ логическое значеніе этихъ объясненій, спросимъ себя о фактахъ, на которыхъ покоятся такія тенденціи, и мы останемся ни съ чѣмъ. Логика же спасаетъ здѣсь отъ внутреннихъ противорѣчій, но психологія за это приносится ей въ жертву. Можно ли спасти жизнь психологіи и какимъ путемъ она можетъ достигнуть выполненія своего прямого назначенія? Отвѣтить на этотъ вопросъ и значитъ указать одинъ путь психологіи, о которомъ у насъ идетъ рѣчь.

Нужно замѣтить, что неудовлетворительное состояніе абстрактной психологіи очень безпокоитъ самихъ представителей ея. Необычайно пестрая смѣна направленій и объяснительныхъ попытокъ въ психологіи второй половины XIX вѣка свидѣтельствуетъ въ пользу этого утвержденія. Поскольку борьба теченій ограничивалась только взаимной критикой, гдѣ идеалъ положительнаго новаго содержанія психологіи предносился какъ неясная объеди-

няющая идея критики, постольку сохранялась еще увѣренность въ возможности построенія психологіи единственно на фундаментѣ той же абстракціи. Спеціальныя, узкія, кропотливыя изслѣдованія частныхъ вопросовъ науки о душевной жизни въ свою очередь приносили новый матеріалъ, которымъ психологи, занятые принципіальными вопросами, пользовались для своихъ критическихъ построеній, не сознавая еще положительной цѣнности новыхъ данныхъ, толкавшихъ психологію на новый для нея путь. Сами спеціальные работники рѣдко могли выйти за предѣлы своей работы и оцѣнить добытыя ими новыя данныя, какъ матеріалъ для переработки всей психологіи. Наконецъ, еще одно обстоятельство влекло психологію испытать новый путь. Въ равной мѣрѣ, но съ разныхъ сторонъ стали обращаться къ психологіи за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ своихъ проблемъ науки, имѣющія дѣло съ проявленіями душевной жизни человѣка. Исторія, соціологія, науки о правѣ искали въ психологіи либо фундамента, либо объясненія то общихъ, то спеціальныхъ проблемъ, либо направляющихъ указаній и даже методовъ. Напротивъ, жизнь и искусство готовы были навсегда порвать съ психологіей, такъ чужды казались имъ ея схемы [1]). Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда и философія начинала терять свою кровную связь съ психологіей. А сама психологія въ сознаніи неудовлетворенности самой собою искала спасенія въ крайнихъ мѣрахъ, отказываясь отъ права на философское первородство и подчиняясь всецѣло физіологіи. Наука о душѣ для своего спасенія жертвовала душой,—была провозглашена «психологія безъ души». Дальнѣйшій споръ между сторонниками реформъ и сторонниками полнаго уничтоженія психологіи могъ быть разрѣшенъ только однимъ способомъ,—указаніемъ новаго пути.

Итакъ, для позиціи тѣхъ умѣренныхъ психологовъ, которые свою задачу полагали въ частичномъ постепенномъ реформированіи психологіи, характеренъ своеобразный компромиссъ, въ силу котораго они готовы были отказаться отъ признанія связи философіи съ психологіей, лишь бы спасти послѣднюю. Своеобразіе компромисса ярче всего выразилось въ самомъ опредѣленіи психологіи, построенномъ по аналогіи съ опредѣленіями наукъ естественныхъ, какъ будто уже было доказано, что психологія можетъ быть

---

[1]) Какъ далекъ былъ, напримѣръ, „психологъ“ Ницше отъ современной ему психологіи.

только естественной наукой. Психологія изъ науки о душѣ превратилась въ науку о душевныхъ явленіяхъ. Аргументація въ пользу такой подмѣны сводилась къ тому, что, молъ, существуетъ ли душа или нѣтъ, а психическія явленія во всякомъ случаѣ существуютъ. Разница между старымъ и новымъ опредѣленіемъ та, что первое заключаетъ въ себѣ метафизическія предпосылки, тогда какъ второе отъ нихъ свободно; что второе, поэтому, можетъ быть признано и противоположными школами, тогда какъ первое носитъ на себѣ своеобразную окраску какой-нибудь одной школы; что, слѣдовательно, одно освобождаетъ насъ отъ общихъ предварительныхъ изслѣдованій, тогда какъ другое обязываетъ насъ къ нимъ [1]). Эта аргументація до такой степени неприкрыта, что нѣтъ надобности въ особенно углубленномъ анализѣ, чтобы видѣть ея источники: это, прежде всего, боязнь философіи, метафизики. Психологія, дающая пищу философіи, но сама возникшая и существующая только при помощи философіи, которая свидѣтельствуетъ въ пользу реальности ея опыта, попадаетъ въ странное положеніе, какъ бы стыдясь своего происхожденія отъ философіи и родства съ нею. Какъ признакъ рѣшительной реакціи противъ того, чтобы психологія ставилась въ такое двусмысленное положеніе, на первомъ планѣ надо поставить категорическое требованіе, чтобы психологія была и оставалась наукой именно *о душѣ*. Можетъ быть, никѣмъ это требованіе не выставлялось съ такой рѣзкостью и прямотой, какъ І. Ремке. Со свойственнымъ этому писателю темпераментомъ онъ рѣшительно заявляетъ, что никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что тому, что мы называемъ человѣкомъ, принадлежитъ душа; можно спорить только о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ душой [2]). Правда, самъ Ремке, неподражаемый, какъ критикъ, ограничивается преимущественно формально-логической и даже терминологической расчисткой совре-

[1]) *Fr. Brentano,* Psychologie vom empirischen Standpunkte. B. I. Lpz. 1874. S. 23. Я остановился на Брентано, какъ на примѣрѣ, не потому только, что его аргументація такъ убѣдительна въ своей краткости и такъ, можно сказать, обнаженно ясна, но и потому, что считаю психологически въ высшей степени интереснымъ фактомъ, что именно подъ вліяніемъ Брентано воспиталось антипсихологическое направленіе въ логикѣ, такъ много сдѣлавшее и для болѣе правильнаго пониманія природы психическаго. Имѣю въ виду здѣсь особенно Гуссерля, Logische Untersuchungen, 2. T. Halle. 1901.

[2]) *I. Rehmke,* Lehrbuch der allgemeinen Psychologie. 2. Aufl. Lpz. 1905; *Id.,* Die Seele des Menschen. 3. Aufl. Lpz. 1909.

менной психологіи, хотя и его тенденція разсматривать «элементы» только какъ абстракціи, изъ которыхъ отнюдь нельзя возсоздать живого образа душевной жизни, представляетъ также значительный интересъ. Впрочемъ, я указываю на него только какъ на симптомъ.

Основаніе для положительной перестройки психологіи мы находимъ у психологовъ, которые могли подходить къ психологіи безъ стараго предразсудка: боязни за ея происхожденіе. Психологи-экспериментализты могли уже не бояться упрековъ въ метафизичности. Послѣ работъ Фехнера, Вундта, послѣ безапелляціоннаго завѣренія одного изъ основателей современной экспериментальной психологіи, Эббингауза, что психологія должна быть наукой естественной или никакой, именно со стороны экспериментальной психологіи стали ждать новаго слова и указанія новаго пути. Но роковымъ образомъ какъ разъ отсюда идутъ такія новыя слова, какихъ давно уже не говорили самые смѣлые метафизики. Опять-таки по своимъ задачамъ я долженъ ограничиться самыми общими указаніями. Объективно-экспериментальное изслѣдованіе душевныхъ явленій принудительно влечетъ психологовъ къ признанію прежде всего и на всякомъ мѣстѣ самонаблюденія. Не только экспериментъ теряетъ въ своей цѣнности, если онъ не сопровождается самонаблюденіемъ, не только экспериментаторъ долженъ умѣть анализировать показанія самонаблюденія своего испытуемаго, но оказывается, что испытуемый самъ долженъ быть человѣкомъ искуснымъ въ самонаблюденіи, чтобы экспериментъ далъ положительные результаты (школа Кюльпе) [1]). Но еще существеннѣе тѣ результаты, къ которымъ приходитъ экспериментальная психологія, и тѣ принципіальные выводы и обобщенія, которые исходятъ отъ ея представителей. Ихъ нельзя характеризовать лучше, какъ указаніемъ на то, что изъ нихъ вытекаетъ совершенно безспорное требованіе: очистить психологію отъ логизма. Наиболѣе важными я считаю два вывода изъ этихъ работъ: во-первыхъ, ими разрушается старая легенда о сложеніи психическихъ переживаній изъ ихъ элементовъ, о возможности свести, напримѣръ, психологію мышленія къ психологіи воспріятій и ощущеній, и

[1]) Изложеніе нѣкоторыхъ результатовъ работъ этой школы читатель найдетъ въ статьѣ *проф. Челпанова.* Объ экспериментальномъ изслѣдованіи высшихъ умственныхъ процессовъ. „Вопросы филос. и психол.“ 1909. Кн. I.

т. п. Характерно для этой черты новой психологіи, напримѣръ, заявленіе, что хотя воспріятія и разлагаются на опредѣленныя составныя части, но отсюда не слѣдуетъ, что они возникли благодаря соединенію такихъ элементовъ [1]). Во-вторыхъ, тщательное отдѣленіе собственно психологическаго отъ предметнаго, отъ того, на что оно направляется. Отчасти примыкая къ Гуссерлю, представители этого направленія (Мессеръ, Марбе, Бюлеръ, Ахъ и др.) исходятъ не изъ ложной предпосылки объ одинаковости или аналогичности предмета реальныхъ наукъ, а, напротивъ, всѣ свои усилія направляютъ на то, чтобы выдѣлить специфическій характеръ психологическаго и подчеркнуть такимъ образомъ своеобразіе задачъ психологіи. Совершенно независимо пришелъ къ тѣмъ же результатамъ и такой видный представитель экспериментальной психологіи, какъ К. Штумпфъ [2]). По Штумпфу, между естествознаніемъ и науками о духѣ существуетъ коренная противоположность, проистекающая изъ различія явленій и психическихъ функцій. Явленія суть только матеріалъ функцій, но ни сами эти функціи, ни ихъ результатъ. Психическія функціи (акты, состоянія, переживанія) подмѣчаютъ явленія и ихъ отношенія. Онѣ даны намъ непосредственно, а непосредственно даннымъ можно назвать то, что какъ фактъ непосредственно намъ очевидно. Какъ ни затруднительно описаніе непосредственно даннаго, но на него именно и должно быть направлено вниманіе психологіи. Усилія свести функціи къ явленіямъ должны быть признаны совершенно безплодными. Какъ задача, они стоятъ на одномъ уровнѣ съ такими задачами, какъ perpetuum mobile или дѣланіе золота. И въ то же время совокупность непосредственно даннаго *реальна*. Мало того, отъ него только и вообще мы пріобрѣтаемъ понятіе о реальномъ, а затѣмъ уже переносимъ его и на другое [3]). Нужно ли еще подчеркивать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ рѣшительной реформой старой абстрактной психологіи? Однако, какъ ни выигрываетъ психологія отъ этой реформы, какъ ни выигрываетъ она въ *научности*, еще не ясно видно, какъ возстанавливаются ея связи съ философіей и есть ли иной путь у нея. Если вообще эта связь есть, то совершенно законно должно быть ожиданіе, что ея возстановле-

[1]) Ср. *Messer*, Empfindung und Denken. Lpz. 1908. S. 10 u. a.

[2]) *C. Stumpf*, Erscheinungen und psychische Funktionen. Brl. 1907. Ср. также его Zur Einteilung der Wissenschaften. Brl. 1907.

[3]) *Stumpf*, Erscheinungen usf. S. 10.

ніе должно быть, такъ сказать, двухстороннимъ, т.-е. какъ психологія должна бы двигаться навстрѣчу философіи, такъ и философія должна бы обнаружить въ себѣ необходимость возобновить сношенія съ психологіей. Фактически это обоюдное движеніе, дѣйствительно, можно теперь наблюдать; но для насъ пока предварительной и главной задачей остается—указать это движеніе въ самой психологіи.

Я его усматриваю въ стремленіи обратиться отъ абстрактныхъ понятій и схемъ традиціонной психологіи къ непредвзятому анализу непосредственно въ самонаблюденіи даннаго конкретнаго потока переживаній, стремленіи, которое нашло себѣ геніальнаго выразителя въ лицѣ У. Джемса. Но еще, быть можетъ, въ большей степени заслуга въ указаніи новаго пути психологіи принадлежитъ В. Дилтею, не только заложившему фундаментъ новой психологіи, но сдѣлавшему также попытку разработывать имъ самимъ намѣченный планъ и давшему, кромѣ того, образцы примѣненія новаго психологическаго разсмотрѣнія къ самымъ различнымъ областямъ духа. Примыкая къ предложенному Т. Вайцомъ раздѣленію психологіи на дескриптивную и теоретическую, Дилтей противопоставляетъ объясняющей или конструктивной психологіи психологію описательную или расчленяющую [1]). Въ то время какъ первая пользуется гипотезами, получаетъ свои понятія путемъ логическихъ выводовъ, вторая основывается на данныхъ непосредственнаго опыта и имѣетъ въ виду не объясненіе природы, а пониманіе. Объясняемъ мы природу, а душевную жизнь понимаемъ. Объясняющая психологія выводитъ изъ ограниченнаго числа аналитически найденныхъ элементовъ факты, которые даны во внутреннемъ опытѣ и обнаруживаются при изученіи другихъ людей или исторической дѣйствительности; она имѣетъ характеръ такимъ образомъ синтетическій или конструктивный. Совокупность и отношеніе элементовъ, находимыхъ объясняющей психологіей, приводитъ въ ней къ гипотезамъ, посредствомъ которыхъ объясняются душевныя явленія. Такимъ путемъ идутъ и вообще естественныя науки. Наоборотъ, описательная психологія имѣетъ въ виду представить составныя части и связи душевной жизни, поскольку въ нихъ переживаніе можетъ подмѣтить единообразіе, но именно

[1]) Изъ многочисленныхъ работъ Дилтея основной въ этомъ отношеніи является его Ideen über eine beschreibende u. zergliedernde Psychologie. Brl. 1895.

такъ, какъ онѣ переживаются, ничего къ нимъ не примышляя. Ея значеніе заключается въ томъ, что всякая связь въ ней можетъ быть однозначно оправдана черезъ внутреннее воспріятіе и что всякая такая связь оказывается членомъ болѣе широкаго цѣлаго, которое точно также дано первоначально, а не получается путемъ вывода. Особенность внутренняго воспріятія въ томъ и состоитъ, что оно всегда дано непосредственно. Отличительный признакъ внутреннихъ фактовъ въ *недѣлимомъ* единствѣ функціи. Во внутреннемъ опытѣ всегда выступаетъ нѣчто новое; въ этомъ отношеніи для душевной жизни мы не можемъ найти въ природѣ никакой аналогіи. Правда, поскольку мы испытываемъ внутреннія связи или поскольку онѣ намъ даны, онѣ даны и испытываются частично, но это всегда суть *связи*, въ которыхъ дѣйствуютъ процессы нашего духа въ его *цѣломъ*. И только потому, что мы можемъ исходить изъ данной въ переживаніи связи къ отдѣльнымъ процессамъ, эти послѣдніе выступаютъ какъ различные, поскольку они сопровождаются различнымъ сознаніемъ ихъ цѣнности для цѣлаго нашей душевной связи. Такимъ образомъ, во внутреннемъ опытѣ происходитъ отдѣленіе существеннаго отъ несущественнаго и психологія начинаетъ свою аналитическую работу; она разсматриваетъ, измѣряетъ, анализируетъ, экспериментируетъ, сравниваетъ, изолируетъ и т. д., и т. д. Она только не предпринимаетъ конструкціи всей причинной связи психическихъ процессовъ и поэтому имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что дано, не дѣлая никакихъ гипотезъ и такимъ образомъ предохраняя себя отъ ошибокъ раціонализированія и логизированія. Описательная психологія, по словамъ Дилтея, кончаетъ гипотезами, объяснительная съ нихъ начинаетъ.

Мнѣ нѣтъ надобности слѣдить дальше за развитіемъ мыслей Дилтея, пытающагося выполнить самый планъ науки описательной психологіи. Правильны ли дальнѣйшія разсужденія Дилтея или нѣтъ, существенны тѣ принципіальныя основанія, на которыхъ онъ возводитъ свою психологію. Если бы даже и у него можно было обнаружить въ дальнѣйшемъ тѣ же недостатки: логизмъ и раціонализированіе, что и у представителей абстрактной психологіи или, какъ ее называетъ Дилтей, синтетической, это нисколько не колебало бы принципіальной важности того новаго пути, по которому должна двигаться психологія. Новизна этого пути харак-

теризуется въ основныхъ чертахъ двумя главными признаками: во-первыхъ, разрушается старый миѳъ, будто есть только одинъ образецъ логическаго построенія науки,—методъ установленія абстрактныхъ отношеній и законовъ, а, во-вторыхъ, разрушается другой миѳъ, столь популярный въ современной теоріи познанія, будто науки, оперируя надъ понятіями, обречены на вѣчное пребываніе въ мірѣ феноменальномъ. Можно сказать, что эти двѣ разрушительныя тенденціи новаго пути психологіи являются вмѣстѣ и залогомъ новаго созиданія. Логизмъ изгоняется изъ психологіи, потому что онъ ее связываетъ, но въ такой же мѣрѣ и логика выигрываетъ отъ расширенія правъ науки, такъ какъ всякое новое въ научномъ творчествѣ есть новое и для логики. Феноменализмъ изгоняется изъ психологіи, потому что онъ ее обезличиваетъ, но въ такой же мѣрѣ выигрываетъ теорія познанія отъ осмысленія познанія, такъ какъ только при признаніи реальнаго познанія пріобрѣтаетъ смыслъ его теорія. Въ настоящее время ни отъ чего теорія познанія не можетъ такъ выиграть, какъ отъ освобожденія ея отъ несвойственной ей роли замѣнять метафизику. Замѣнять проблемы бытія проблемами познанія есть одна изъ поддѣлокъ софистики. Современная идеалистическая философія въ этомъ отношеніи сплошь софистична. Поэтому, мы дѣлаемъ послѣдній выводъ, новый путь въ психологіи есть возрожденіе и философіи. Метафизикѣ должны быть возвращены ея права на дѣйствительное, подлинно реальное. Новый путь въ психологіи открываетъ и новыя перспективы для метафизики, прямой задачей которой всегда было познаніе дѣйствительнаго въ его подлинной сущности и цѣлостности. А поскольку новый путь психологіи ведетъ насъ къ тому же реально дѣйствительному, цѣлостно дѣйствительному, постольку опять обнаруживается природная связь ея съ философіей, которая такъ безнадежно была у нея потеряна при развитіи абстрактной психологіи.

Какъ ни подчеркивалось всегда, что наша философія, начиная отъ Августина, характеризуется прежде всего довѣріемъ къ внутреннему опыту, однако можно подумать, что только теперь начинается сознательное осуществленіе тѣхъ требованій, которыя предъявляются философіи послѣ такого признанія. Правда, нерѣдко можно встрѣтить указаніе на то, что собственно только спиритуалистическая философія выгадываетъ отъ союза философіи съ психологіей, но что, не входя даже въ обсужденіе вопро-

са о преимуществахъ или недостаткахъ спиритуализма, самый тотъ фактъ, что спиритуализмъ не единственная философія, указываетъ на то, что далеко не необходимой представляется связь философіи съ психологіей. Спиритуалистическая философія, по этому взгляду, только потому и выгадываетъ, что она, исходя изъ очевидности внутренняго опыта, объясненіе всего мірового цѣлаго желаетъ представить по аналогіи съ душевной жизнью человѣка. У. Джемсъ [1]) опредѣленно обобщаетъ такое воззрѣніе, отмѣчая вообще манеру философовъ строить свои системы съ помощью весьма упрощеннаго пріема: выбрать какую-нибудь часть міра и по аналогіи съ ней интерпретировать цѣлое. Но не отдаетъ ли самъ Джемсъ въ своемъ выборѣ наиболѣе «интимныхъ» философій предпочтеніе именно плюралистическому спиритуализму? Конечно, выборъ Джемса не обязателенъ для каждаго, но чрезвычайно важно отмѣтить тѣ мотивы, по которымъ Джемсъ отдаетъ предпочтеніе именно этой философіи. Прежде всего, потому, что онъ отвергаетъ всѣ возможные пріемы разсмотрѣнія, кромѣ одного, который онъ характеризуетъ, какъ точку зрѣнія *радикальнаго эмпиризма*, идущаго какъ на заклятаго врага на всякое раціонализированіе, на всякій логизмъ и ищущаго союзниковъ для этой борьбы во всемъ, что араціонально, алогично. Не можетъ эмпирическая точка зрѣнія, которая видитъ въ непосредственномъ переживаніи реальное, не можетъ эта точка зрѣнія не сближать съ изученіемъ этого реальнаго въ психологіи изученіе реальнаго вообще въ философіи. Связь психологіи съ философіей не мнимая, не иллюзорная, не результатъ субъективнаго мнѣнія, а по существу необходимая, ибо *однимъ* путемъ психологія необходимо ведетъ къ метафизикѣ.

Въ одномъ, повидимому, можно упрекнуть такой путь: не приведетъ ли онъ, спасаясь отъ идеалистической софистики, къ софистикѣ протагоровской? Не станетъ ли метафизика, руководствуясь мѣрой человѣка, ареной относительности и нигилизма?—Думаю, что, если метафизика будетъ строго держаться своей задачи постиженія дѣйствительнаго, съ ней этого произойти не можетъ, она можетъ называться идеалистической (въ смыслѣ Платона) или реалистической, она можетъ признавать дѣйствительнымъ идеи или вещи, но пока она не покинетъ сферы дѣйствительности, ей не страшны никакіе упреки въ феноменализмѣ, иллюзіонизмѣ, со-

[1] *W. James.* A pluralistic Universe. Ldn. 1909.

фистикѣ вообще. Но не можетъ же не быть, скажутъ, не односторонней та философія, которая утверждаетъ, что все есть духъ или все находится въ духѣ?—Трудно сказать, есть ли это односторонность или просто ошибка. Если это положеніе доказуемо,—не важно, односторонне оно или нѣтъ, оно правильно. Если оно не доказуемо, то правильно оно или неправильно, оно логически будетъ непріемлемо. Можно сказать только одно: утверждая, что духъ есть реальное, философія не обязана считать это положеніе обратимымъ и объявить все реальное духомъ. Дѣйствительно, по большей части спиритуализмъ таитъ въ себѣ нѣкоторую матеріалистическую опасность въ представленіи матеріальнаго какъ низшей ступени или степени духа, такъ какъ, отрицая принципіальное различіе между духомъ и матеріей, это представленіе означаетъ вѣдь, что духъ есть не что иное, какъ только высшая ступень или степень матеріальнаго. Ссылка же на достовѣрность внутренняго опыта не имѣетъ уже метафизическаго смысла послѣ того какъ мы отвергли принципіальное различіе между духомъ и матеріей, другими словами, качественно отожествили ихъ. Кромѣ того, само это отожествленіе всегда будетъ носить гипотетическій характеръ, а какъ бы ни оказалась плодотворна гипотеза, очевидно, что она не можетъ оправдываться исходнымъ пунктомъ разсужденія; вѣдь изъ достовѣрности внутренняго опыта не слѣдуетъ достовѣрность познанія матеріальнаго міра, какъ въ основѣ своей духовнаго. Напротивъ, спиритуалисты встрѣчаютъ здѣсь особое затрудненіе въ вопросѣ: почему же «внѣшній» опытъ не даетъ непосредственно достовѣрнаго знанія? А поскольку, далѣе, духовность матеріальнаго міра еще гипотеза или даже проблема, опять-таки нѣтъ основанія разсматривать его въ его сущности, какъ единое. Возможно, что мы имѣемъ дѣло съ качественнымъ многообразіемъ сущностей и что Аристотель окажется правѣе Лейбница. Говоря, напримѣръ, конкретно, мы еще не знаемъ, какая гипотеза предпочтительнѣе при разсмотрѣніи метафизической проблемы жизни въ органической природѣ: есть это низшая ступень духа (въ смыслѣ Бунге) или специфическая «энтелехія» (въ смыслѣ Дриша)... Но разсуждая совершенно вообще, если мы даже утверждаемъ, что все бытіе есть бытіе, поскольку оно бытіе въ духѣ, и внѣ духа нѣтъ бытія, мы не обязаны считать реальностью только духъ. Скорѣе даже наоборотъ, если нѣтъ бытія внѣ духа, то нѣтъ его и въ духѣ, ибо «внѣ» и «въ» здѣсь ровно ничего не обозначаетъ, развѣ только образный способъ выраженія. Его замѣняютъ другимъ: все дано

духу, а не данное духу не существуетъ [1]). Съ точки зрѣнія реально даннаго, конечно, никакихъ дѣленій такихъ нѣтъ, но если только мы правы, говоря «данное духу», то тѣмъ самымъ мы отличаемъ нѣчто отъ духа, самъ духъ не есть данное, не есть переживаемое, а есть переживаніе. Вообще, «содержаніе» духа («содержаніе сознанія») не есть самый духъ, если онъ духъ (не есть сознаніе, если оно—сознаніе), иначе онъ довлѣлъ бы себѣ и былъ безсодержателенъ. Какъ сознаваемое не есть сознаніе, иначе оно не сознавалось бы, такъ одушевленное не есть душа, иначе оно не было бы одушевленнымъ, такъ то, на что направленъ духъ, не есть духъ, иначе оно не было бы тѣмъ, на что направленъ духъ. Здѣсь нѣтъ основанія опасаться, что философія можетъ быть «односторонней», если она захочетъ преодолѣть раздѣленіе, вытекающее изъ дѣятельности духа, если она останется безразличной ко всякому раздѣленію, *индиферентной*, если она, дѣйствительно, захочетъ постигнуть все во всемъ въ цѣльности и реальности.

Роковая ошибка новой философіи въ томъ и состояла, что при общей склонности ея къ логизированію и раціонализированію она покидала реально данное, а на его мѣсто творила абстрактныя схемы узкой разсудочности. Условная цѣнность можетъ быть признана и за такими философскими построеніями, но только условная, дѣйствительная для обмѣна, но пустая сама по себѣ. Они могли пользоваться кредитомъ, пока были обезпечены достаточнымъ авторитетомъ, но смѣшно было бы кредитному билету приписывать реальную цѣнность, на немъ обозначенную. Условная цѣнность философіи Спинозы или Гегеля можетъ быть признана очень высокой, но какъ только мы потребуемъ у него расплаты реальной наличностью, передъ нами неоплатный должникъ. Гдѣ все бытіе сводится къ логическому бытію, тамъ софистика.

Но не странно ли, что новая философія, провозгласившая права на достовѣрность внутренняго опыта, такъ неумѣло имъ воспользовалась! Можно однако поставить подъ сомнѣніе еще вопросъ: да пользовалась ли она имъ? Увлеченіе раціоналистической философіи, отъ котораго не свободенъ и современный идеализмъ, логизмомъ закрыло для нея внутренній міръ. Новая философія если и обращалась къ внутреннему опыту, то какъ-то тайкомъ или затѣмъ только, чтобы сказать на основаніи его А, а Б уже привносилось логически, математически, механистически, физически, какъ

[1]) Ср. „въ сознаніи—внѣ сознанія“, „данныя сознанія“, „содержаніе сознанія“ и т. п.

угодно, только не изъ внутренняго опыта. Казалось бы, кто какъ не Лейбницъ долженъ былъ пользоваться имъ; Лейбницъ-спиритуалистъ, убѣжденный, что перцепція «не объяснима механическими причинами». Но именно у него легко прослѣдить подмѣну внутренняго опыта логическими схемами, взятыми изъ абстрактнаго мышленія. Можно прямо сказать, что какъ Спиноза строилъ міръ more geometrico, такъ Лейбницъ—more mechanico. Возьмемъ понятіе монады. Это духовная субстанція, но гдѣ данныя внутренняго опыта? Первоначально это метафизическая точка, центръ силъ, у нея есть перцепція, апперцепція, стремленіе. Но безспорно же, что Лейбницъ не могъ избавиться отъ механистическаго толкованія монады и представлялъ ее себѣ не на основаніи опыта, самонаблюденія, а только привлекалъ нѣкоторыя данныя послѣдняго, чтобы какъ-нибудь наполнить жизнью пустую механическую модель. Психологически правильно и неизбѣжно, напримѣръ, силу мыслить антропоморфически, но до послѣднихъ дней своей жизни Лейбницъ склоненъ былъ, наоборотъ, перцепцію и стремленіе понимать какъ силу. Получается впечатлѣніе, какъ будто дѣйствительность дважды преломляется въ воображеніи Лейбница: сперва обращеніе къ внутреннему опыту и построеніе его по модели физической, а потомъ признаніе этой послѣдней за духовную въ ея сущности. Въ той или иной степени такой методъ философствованія сохранился и до нашего времени.

Это приводитъ насъ къ заключенію, что если психологія въ своемъ развитіи по пути абстракціи оторвалась отъ философіи и тѣмъ нанесла ей ущербъ, потерявъ многое и для себя, то, съ другой стороны, повинна и метафизика въ томъ же грѣхѣ,—она также отдалилась отъ данныхъ опыта, отдѣлилась отъ твердой почвы жизни и повисла въ поздухѣ на логическихъ качеляхъ. Уже Вайцъ упрекалъ психологію въ томъ, что она почерпаетъ изъ метафизики то, что не основано на опытѣ; психологія могла въ ту пору устранить этотъ упрекъ, обратившись, правда, къ эмпиріи, но не непосредственнаго опыта, а внѣшняго, главнымъ образомъ медицинскаго и физіологическаго. Непосредственный опытъ еще не имѣлъ всѣхъ правъ гражданства въ философіи... Ясно такимъ образомъ, что философія нуждается въ полной реформѣ, въ головѣ и членахъ. Новые пути психологіи и логики еще не затрогиваютъ головы. Но реформа началась и здѣсь; еще съ Менъ де Бирана начинается реакція одинаково какъ противъ схематизирующаго сенсуализма, такъ и противъ абстрактнаго раціонализма. Въ наше

время, наконецъ, задача цѣльнаго знанія начинаетъ сознаваться уже не какъ синтезъ отвлеченныхъ элементовъ, а какъ воспроизведеніе дѣйствительности живого конкретнаго цѣлаго. Джемсъ, какъ метафизикъ, Бергсонъ—это антиподы всякой синтетической философіи, еще такъ недавно притязавшей на господство и даже пользовавшейся имъ. Новая философія должна выступить какъ философія жизни, какъ *оправданіе* ея, оправданіе и утвержденіе. Міръ феноменовъ есть міръ иллюзій, міръ вещей въ себѣ—міръ за гробовой доской, нашъ міръ есть міръ реальныхъ вещей, «дѣлъ и дней»,—онъ и долженъ быть оправданъ. «Міръ долженъ быть оправданъ весь, чтобъ можно было жить» (Бальмонтъ),—это требованіе должно стать лозунгомъ новой философіи. Будетъ ли выполнена эта задача, не отведетъ ли вновь злой геній философію отъ жизни, не заворожитъ ли и не перепутаетъ ли ея дорогъ—это покажетъ будущее.

Хотя и очевидно, что новая философія не исключаетъ раціональной метафизики, только бы она не претендовала на значеніе цѣлаго, тѣмъ не менѣе можетъ быть еще поставленъ вопросъ,—если правильна только самая постановка его,—о томъ, какъ возможно познаніе цѣльнаго, разъ мы ограничены понятіями и словами, т.-е. возможно ли такое познаніе, которое было бы шире разсудочнаго, возможно ли удовлетворить желаніе поэта: «О, если бъ безъ словъ сказаться душой было можно» (Фетъ). Однако, въ мою задачу не входитъ рѣшеніе самихъ проблемъ новой философіи, я хотѣлъ только показать, что природная связь психологіи съ философіей возстанавливается, что у психологіи есть одинъ путь, который прямо ведетъ ее къ философіи, что философія такимъ образомъ вновь становится на твердую почву, что философія вновь въ жизни и съ жизнью, а не надъ нею и внѣ ея, что философствовать значитъ жить, а жить значитъ философствовать.

Въ заключеніе съ сознаніемъ высокой гордости не могу не указать, что нигдѣ такъ тѣсно не была всегда связана философія съ жизнью, какъ на нашей родинѣ. Духъ философіи жизненной, конкретной, цѣльной, основанной на достовѣрныхъ данныхъ внутренняго опыта, есть духъ нашей философіи. Ученіе о сердцѣ и его значеніи въ духовной жизни человѣка П. Д. Юркевича, о природѣ человѣческаго сознанія кн. С. Н. Трубецкого и спекулятивная метафизика Л. М. Лопатина—три яркихъ иллюстраціи одного пути психологіи и того, куда онъ ведетъ.

Г. Шпетъ.